

Юлия ЕРМАК

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЖЕНСКОГО ЕВРЕЙСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Rezumat

Tradițiile etnopedagogice de educație a femeilor de etnie evreiască la sfârșitul sec. XIX – începutul sec. XX

Cea mai importantă funcție a culturii evreiești în zona de delimitare a fost păstrarea și transmiterea din generație în generație a valorilor spirituale bazate pe tradiția religioasă. Familia și comunitatea religioasă erau instituțiile care asigurau realizarea acestei funcții. Diferențierea de gen existentă în societatea evreiască tradițională este legată de obligațiile sociale diferite ale bărbaților și femeilor. Viața femeii era profund influențată de familie. Familiile mari erau un mod de păstrare și supraviețuire a evreilor în condițiile unui mediu etnic și confesional diferit. În secolul al XIX-lea, familia rămâne factorul decisiv în educația fetițelor. La baza educației fetițelor în familiile evreiești se puneau formarea competențelor religioase, sociale și de muncă, prin participarea copiilor în activitățile de familie și comunitare. Educația copiilor era concentrată asupra desăvârșirii spirituale, mintale, estetice și de muncă. Din fragedă copilărie și până la căsătorie, această educație era pusă în primul rând pe umerii mamei. Personalitatea mamei influența concepțiile de viață ale fiicelor. De la mama, fetele învățau treburile casnice și ocupațiile feminine, iar responsabilitatea pentru comportamentul imoral al fiicelor ținea de competența tatălui. Ca rezultat al educației etnopedagogice, căsătoria devenea o prioritate pentru viitoarea femeie. Căsătoria și procrearea deveneau scopul principal al vieții femeii în familiile evreiești în a doua jumătate a sec. XIX – începutul sec. XX.

Cuvinte-cheie: cultura evreilor în zona de delimitare, educația tradițională, etnopedagogia, copii, femei.

Резюме

Этнопедагогические традиции женского еврейского воспитания в конце XIX – начале XX века

Важнейшей функцией еврейской культуры в черте оседлости было сохранение и передача от поколения к поколению духовных ценностей, основанных на религиозной традиции. На ее реализацию была направлена деятельность семьи и религиозной общины. Существовавшее в традиционном еврейском обществе обособление по половому принципу было связано с принципиальными различиями в функциях мужчины и женщины. Жизнь женщины подчинялась требованиям семьи, многодетность являлась средством сохранения и выживания еврейского этноса в условиях жизни среди представителей иных этносов и конфессий. Семья на протяжении XIX века оставалась решающим фактором в воспитании девочек. В основу семейного

воспитания еврейских девочек было положено формирование социальных, трудовых и религиозно-культурных навыков, преимущественно через участие детей в семейной и общественной деятельности. Воспитание было направлено на духовное, умственное, трудовое, эстетическое совершенствование ребенка. Воспитание детей с раннего возраста и вплоть до замужества возлагалось преимущественно на мать. Личность матери формировала жизненные установки дочерей. Мать обучала их домашним работам и женским ремеслам, однако ответственность за аморальное поведение дочерей возлагалась на отца. В результате успешного этнопедагогического воздействия будущая женщина, в качестве жизненных приоритетов, получала установку на замужество. В замужестве и продолжении рода виделся единственный смысл дальнейшей жизни еврейской женщины второй половины XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: культура евреев черты оседлости, традиционное воспитание, этнопедагогика, дети, женщины.

Summary

Ethno-pedagogical Traditions of Jewish Women's Upbringing at the end of the XIX – the beginning of the XX Century

Conservation and transmission from generation to generation of the spiritual values based on religious tradition was the main function of Jewish culture in the Pale of Settlement. The activities of the family and the religious community were aimed at its implementation. The isolation in the traditional Jewish society on the basis of the sexual principle was associated with fundamental differences in the functions of men and women. The life of a woman was subject to the requirements of the family, many children were a means of the safe keeping and surviving of the Jewish ethnos in the conditions of life among representatives of other ethnic groups and confessions. Throughout the XIX century, the family remained the decisive factor in the upbringing of girls. The basis of family upbringing of Jewish girls is laid in nurturing social, labor and religious-cult skills mainly through the participation of children in family and social activities. The upbringing was aimed at the spiritual, intellectual, labor, aesthetic improvement of the child. The upbringing of children from an early age and up to marriage lay primarily on mother. The mother's personality shaped the life attitudes of daughters. Mother taught them housework and women's crafts, however, the responsibility for the immoral behavior of daughters was placed on father. As a result of successful ethno-pedagogical influence, the future woman was given marriage admission as a vital priority.

Marriage and the continuation of the family was the only value of the further life of a Jewish woman in the second half of the XIX and early XX centuries.

Key words: the culture of the Jews of the Pale of Settlement, traditional upbringing, ethno-pedagogy, children, women.

Воспитание детей у всех народов занимает особое место. И это не случайно, так как дети – это будущее. Одним из критериев успешности жизни родителей является рождение и воспитание детей – «воспроизведение себя во времени». В арсенале гуманитарных наук накоплено достаточно большое количество работ, посвященных вопросам еврейского традиционного образования и воспитания в целом, однако традиции женского воспитания все еще остаются вне поля зрения исследователей. Цель данной статьи состоит в том, чтобы, опираясь на существующие публикации, показать некоторые особенности традиций еврейского женского воспитания в указанный хронологический период. В работе использовались общенаучные методы исторического исследования, такие как: историзм и логичность, а также сравнительно-исторический метод, который не только выделяет глубинные проблемы явлений, но и указывает на сходства и особенности в исторических процессах, на тенденции тех или иных событий.

Залогом здорового развития народа в XIX веке была семейная, клановая солидарность и патриархальная организация семьи с непрерываемым авторитетом родителей. Для традиционной семьи нет более почетной миссии, нежели воспитание детей. Особое значение эта задача приобретала для евреев, которые в условиях рассеяния ощущали на себе сильнейшее культурное влияние со стороны титульных наций. Для противостояния процессу ассимиляции культура иудеев черты оседлости выработала механизм сохранения и межпоколенной передачи духовных ценностей, доставшихся от предков.

На это была направлена деятельность религиозной общины, которая через разветвленную систему филантропических структур обеспечивала возможность получить религиозное образование, стать талмудическим авторитетом, образовать семью даже представителям беднейшей части общества. Важная роль общественного мнения, наличие не только социальных, но и экономических рычагов воздействия на личность в условиях относительной замкнутости еврейского мира в черте еврейской оседлости Российской империи позволяли минимизировать проявление

асоциального поведения и консервировать традиционный уклад жизни.

Система еврейского воспитания, существующая не менее 3000 лет, сыграла решающую роль в сохранении целостности еврейского народа и развитии его культуры. Понятия «образование» и «воспитание» на иврите обозначаются одним словом *хинух*, тем самым подчеркивая их неразрывность и единство. Это выражалось в симбиозе неформального (семья, синагога) и формального (хедер, Талмуд – Тора) воспитания и образования. Буквально «хинух» переводится как «посвящение» [3, с. 41]. *Хинух* – это всесторонняя подготовка к жизни, а не только к зарабатыванию денег.

Главные задачи еврейского воспитания состоят в том, чтобы привить ребенку морально-этические нормы иудаизма, научить сознательно следовать заповедям, обучить методам самостоятельного изучения Торы, Талмуда и других источников еврейской традиции, воспитать любовь к своему народу. Как пишет Ж. Кан, «понятие „еврейское воспитание“ описать довольно сложно – столь непохожи представления о нем в разных течениях внутри еврейства» [8].

В конце XIX века в еврейском обществе существовали различные идейно-религиозные течения, которые накладывали свой отпечаток на систему и методы воспитания.

Сторонники ортодоксального еврейства отличались неукоснительным выполнением религиозных обязанностей, а себя считали «носителями подлинной еврейской религиозной традиции» [8]. Ортодоксы выступали исключительно за религиозное образование, причем в качестве языка обучения использовали иврит, были противниками образования для девочек, считая, что для женщины самое главное – это семья и дети, а все иные знания ей вредны, поскольку разрушают целостность личности и, в известной степени, лишают женственности. Наличие глубоких религиозных знаний в ущерб навыкам домохозяйки воспринималось как чудачество. Ехезкел Котик в своих мемуарах рассказывал о том, что жизнь его родителей сложилась несчастливо именно из-за того, что мать, происходившая из гродненской раввинской семьи, была воспитана неправильно. «Мама не была хорошей хозяйкой. Не умела варить и печь, как умели все тогдашние женщины, даже большие богачки умели делать все сами. Она не умела шить, что умели тогда даже самые маленькие девочки. Мама ничего не умела. Зато она была очень благочестива, и хотя в Гемаре не разбиралась, но „Ховот ха-леавот“ и „Менорат

ха-маор” знала хорошо, чуть ли не наизусть. Она все время учила „Ховот ха-леавот”» [9, с. 150].

В семейном воспитании сторонники сохранения консервативного уклада жизни ратовали за безусловное соблюдение всех, без исключения, религиозных предписаний и незыблемость традиций. Патриархальная семья, во главе которой стоял отец, свято чтивший и соблюдавший все религиозные заветы предков, являющийся непререкаемым авторитетом для всех членов семьи и своим примером их воспитывающий, являлся эталоном для ортодоксального еврейства.

Сторонники Хаскалы (Просвещения), маскилим, переосмыслили роль женщины в обществе. По мнению Мордехая Залкина, их отношение определялось гуманистическим характером философии европейского Просвещения, в которой наивысшей ценностью почитался человек, его счастье и благополучие. В этом свете женская занятость, которая предполагала активное участие в содержании семьи, и буржуазный этос, в котором идеальная женщина – это жена и мать, рассматривались как отрицательное явление [7, с. 173].

Маскилим связывали успех развития еврейского народа со светским образованием и отказом от устаревших догм. Имея в виду эмансипацию (достижение евреями политического равноправия), они требовали, чтобы евреи, не отрекаясь от своего вероисповедания, адаптировались к культуре и образу жизни иноэтнического окружения. Это приспособление должно было проявиться в изучении местного языка. Акцент делался на то, что знание этого языка облегчало деловые и социальные связи евреев с партнерами-неевреями. Маскилим были сторонниками перехода к европеизированной одежде, обучению детей в гимназиях. Общественным рупором этого направления была пресса – журналы «Рассвет», «Учитель», «Еврейская школа», которые получили широкое распространение на территории черты еврейской оседлости в конце XIX – начале XX вв.

К концу XIX века важным культурным фактором, определяющим жизнь евреев черты оседлости, становится сионизм – течение, культивирующее идею возврата евреев в Эрец-Исраэль. Возникновение и распространение сионистских идей следует рассматривать на фоне реальной политической жизни. После погромов, имевших место в России в 1881–1882 гг., многие просвещенные евреи, сторонники Хаскалы, ратовавшие за ускоренную аккультурацию, начали отказываться от своих взглядов. Этот кризис привел

значительную часть маскилим к убеждению, что только возвращение к собственным национальным корням может решить еврейский вопрос [8]. Сама среда сионистов была пестра и неоднородна и не обладала единством в путях достижения поставленной цели.

При этом единой основой для всех евреев оставалось отношение к двум фундаментальным еврейским текстам – Торе и Талмуду. Именно на этих двух книгах выстроена традиционная система еврейского воспитания. Не ставя задачу комплексного рассмотрения влияния этих Священных текстов на воспитание евреев, укажем лишь на основополагающие моменты.

Основным источником права и этики у евреев выступает Тора. Она регулирует отношения между человеком и Богом, человеком и человеком. Цель Торы – приобщить к содержащимся в ней 613 заповедям (мицвот) человека и воспитать его в соответствии с духом Торы. Все, что касалось повседневной жизни еврейского общества, было описано в комментариях к Святым текстам. Незнание их могло привести к нарушению традиции, отсюда фраза Гилеля «неуч не может быть праведным», отсюда и посыл о необходимости учиться на протяжении всей жизни.

Цель Талмуда состояла в том, чтобы, придерживаясь устной традиции, конкретизировать и стандартизировать еврейскую веру. При этом дискуссии о толковании Торы не прекращались. Цель воспитания в Талмуде оставалась та же, что и в Торе: знать, понимать и выполнять писанные законы. В конечном итоге человек должен был получить нравственное развитие, которое бы выражалось в его поступках, направленных на выживание общества.

Изучение Священных книг для мужчин было самоцелью, процессом, не прекращающимся и очень правильным с точки зрения традиционного общества. Женщина была освобождена законом от обязанности изучать Тору, потому что она была занята повседневными делами, связанными с воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства. Перечень женских обязанностей, согласно Талмуду, сводился к омовению во время замужества и зажиганию свечей в праздники. Отсюда отсутствие необходимости в специальном обучении дочерей. Основной задачей девочек в будущем было замужество и материнство, поэтому важны были, прежде всего, бытовые навыки, которые передавались от матери к дочери и приобретались внутри семьи.

Существовавшее в традиционном еврейском обществе обособление по половому принципу

было связано с принципиальными различиями и в социальных функциях мужчины и женщины. Как указывал Шауль Штампфер, «мужчины и женщины жили в двух смежных, но совершенно отличных друг от друга, мирах, где функция каждого из полов в одном мире являла собой зеркальное отражение этой же функции в другом мире» [17, с. 130].

«Привилегия маргинальности», то есть положение за пределами системы раввинского контроля, как пишет Шай Ран Фриз, для женщин имело существенное преимущество и сыграло важную роль в ниспровержении традиционной семьи в начале XX в. Оно обеспечило женщинам доступ к светской литературе (романтические книжки на идише, переводы европейской классики, ивритские романы), что позволило им с большей легкостью, чем мужчинам, усвоить и утвердить в семье современные идеалы [15, с. 246].

Для середины XIX века была характерна традиционная внутрисемейная система воспитания девочек. В основу семейного воспитания еврейских девочек было положено привитие социальных, трудовых и религиозно-культурных навыков преимущественно через участие детей в семейной и общественной деятельности. Воспитание было направлено на духовное, умственное, трудовое, эстетическое совершенствование ребенка.

Семья на протяжении XIX века оставалась решающим фактором в воспитании девочек. Личность ребенка формировала прежде всего «семейная гармония» – этическая категория, понимаемая как основа еврейской семьи, атмосфера дома, взаимной поддержки и любви. «Методом воспитания у моих родителей были любовь, ласка и, при всем том, решительность. Нередко одно доброе слово помогало разрешить трудности», – вспоминала об этом Полина Венгерова [1, с. 20].

Воспитание детей в раннем возрасте возлагалось преимущественно на мать. Личность матери формировала жизненные установки дочерей. Вплоть до замужества воспитание дочерей оставалось в руках матери, которая также обучала их домашним работам и женским ремеслам; однако ответственность за аморальное поведение дочерей возлагалась на отца. В семье концентрировались и реализовывались основные направления воспитания: физическое, трудовое, духовно-нравственное, интеллектуальное, эстетическое.

Девочку воспитывали в духе абсолютной преданности мужу. Вот как, по словам Ехезкела Котика, поучала его бабушка своих внучек и невесток: «Не только любить мужа, но и показывать ему свою любовь. Не перечить мужу, если хочешь,

чтобы муж был тебе всецело предан, ты прежде должна быть всецело преданной ему, и что он скажет – должно быть для тебя свято. <...> Если он говорит: ночь, а ты видишь, что сейчас день, ты тоже должна сказать: ночь... Благодаря твоей доброте он в конце концов поймет свою ошибку и полюбит тебя, как жизнь. С мужем нужно говорить мягко, не следует высказывать перед ним свой ум <...>. Ты не должна ему досаждать и поедом его есть, наоборот – укреплять, утешать <...>. Ты должна видеть своего мужа в лучшем свете, восхищаться им, укреплять его, чтобы ему доставало мужества вести свои дела» [9, с. 255].

Замужняя женщина, занятая домашней работой, вовлекала в нее своих дочерей. К ведению домашнего хозяйства девочки были приобщены с раннего детства. Подъем был ранним. Это было связано не только с работой, но и с тем, что прежде чем начинать дела, необходимо было уделить время утренней молитве. Затем следовал завтрак и начиналась работа. Трудовой день заканчивался так же, как и начинался – молитвой. Еврейские семьи, будучи многодетными, давали возможность трудиться и *хлопотать по хозяйству* всем членам семьи. Уборка дома, помощь матери в приготовлении и подаче еды на стол, починка одежды – навыки, которые получали с раннего детства. Как правило, старшие девочки помогали матери в уходе за младшими детьми: смотрели и ухаживали за малышами, изготавливали рукодельную продукцию на продажу. Вот как описывает свои занятия Анна Выгодская: «Мы, т. е. вернее я (сестра уже помогала нянчить крошку), кроме игр и ученья занимались рукоделием» [2, с. 50].

Очень часто в доме располагалась лавка, и хозяйка дома, параллельно с домашней работой, вела торговые дела. Жительница Могилевской губернии Сарра Гуревич, вспоминая свое детство, пишет: «Прорубив дверь из одного окна на улицу, сделали стойку, отец привез немного товара и мама опять хлопотала и в магазине и дома» [5, с. 27-28]. Вывод о том, что дочери активно помогали родителям в торговле, подтверждают не только мемуары, но и материалы архивов. Так, в «Сведениях торговых предприятий, представленных в присутствие для начисления промыслового налога за 1910 г.» имеются данные о ряде содержательниц торговых лавок, в которых помощницами выступают дочери владелиц. Например, указано, что Лашер Пеша Менделевна, которая вела мелочную торговлю простонародной галантереей и имела годовой оборот в 2000 рублей, а прибыль 240 рублей, в качестве помощницы использовала дочь Дину [12, л. 24].

Воспитание девочек не ограничивалось только умением вести домашние дела. Кроме привития трудовых умений очень важно было религиозное воспитание. Во все времена женщины изучали правила исполнения заповедей, которые относились к вопросам ведения домашнего хозяйства. С раннего детства девочек учили отличать кошер от трефа, чистое от нечистого. «Она знает, что ложка, раз употребленная при мясном блюде, не должна быть опущена в горшок с молоком; ей известно, что когда окна синагоги освещаются тысячью маленьких грошовых свечей, должно бросить всякую утомительную работу и предаться субботному покою – и весь этот запас знаний религиозных обрядов сохранит она свято до гробовой доски, передав их своим детям в таком же виде, как приняла их от своей матери» [11, с. 558]. Эти религиозные знания закладывались с детства и были абсолютно естественны для выполнения во взрослой жизни уже в своей семье.

Когда девочка становилась старше, мама учила ее законам ритуальной чистоты, правилам посещения миквы, законам семейных отношений, касающихся интимной сферы и психологии семейной жизни. Поэтому для того, чтобы выполнять религиозные требования, девочкам не требовалось никакого специального образования – достаточно было просто вести себя так же, как родители, родственники и все окружающие. Основная масса еврейских женщин не знала иврит, для молитвы использовались сборники, написанные на идише специально для женщин. По словам Ури Гительмана, эти тексты на идише содержали популярные и сугубо морализаторские версии священных текстов [4, с. 55].

В данных условиях важным нравственным авторитетом и образцом учености для женской части общины становилась цойгерка – женщина, умевшая читать молитвы на иврите. Собравшись в синагоге женщины повторяли текст вслед за ней. О востребованности и известности таких представительниц женского сообщества свидетельствует факт, приведенный Шмуелем Лифшицем: к цойгерке из местечка Заблудов Гродненской губернии просьбы помолиться приходили даже из-за океана – от прежних жителей черты оседлости, которые уехали в эмиграцию, и их потомков [19, с. 104-106].

Понимание того, что образованность дочерей является положительным фактором для будущего замужества, начинает постепенно формироваться с середины XIX века. Подтверждение этой тенденции находим в журнале «Учитель»: «Многие матери смотрели на свою дочь как на товар, кото-

рого при себе не удержишь и который продается лицом, следовательно, требует как можно больше внешней отделки, лоска. Как только девочка подрастает, в голове матери уже рождается вопрос, как бы скорее и выгоднее сбыть ее с рук? Единственный аргумент, которому добрая мать подчиняется – это: приданого большого нет, следовательно, надо украсить дочь свою всевозможными знаниями, благо пансион есть и на малые деньги приобретаются большие познания» [11, с. 559]. Тон издания ироничен, поскольку его авторы придерживались стратегии аккультурации, однако, не соглашаясь с тем, чему учат еврейских девочек, они были убеждены в необходимости внимания к женскому образованию и воспитанию.

В воспитании девочек из среднего класса, известных у евреев как домохозяева (баалга-баис), имелись некоторые особенности. Девочки из более обеспеченных слоев могли получить образование у учителей. Как правило, им нанимали помощника меламеда (бегелфера), который обучал чтению молитв. Мать, если она умела читать, могла заменить в этом деле бегелфера. Не имея возможности подробно исследовать данный вопрос в рамках настоящей статьи, укажем на то, что девушки иудейского вероисповедания во 2-й половине XIX в. все чаще становились ученицами гимназий и начальных школ. Как отмечает Хэлена Датнер, если мальчики преобладали в казенных еврейских школах, которые гарантировали льготы по военной службе, а их окончание облегчало поиск работы, то в частных школах преобладали девочки [18, с. 60-61].

Задачи матери семейства не сводились только к обучению девочек ведению домашнего хозяйства и выполнению религиозных правил. Немаловажным было привить будущей девушке правила приличного поведения в обществе. Во 2-й половине XIX в. возникает новое явление в воспитании еврейских девочек из обеспеченных слоев – салонное воспитание. Оно подразумевало умение вести себя в обществе, музицирование, знание иностранных языков. Церемонное поведение становится отличительной особенностью принадлежности к еврейской элите. В буржуазной среде модно было быть «цирлих-манирлих» (церемонно-манерными).

В это понятие входило, прежде всего, правильное поведение со старшими. На эту особенность воспитания еврейских девочек указывают Полина Венгерова [1, с. 137-138] и Анна Выгодская [2, с. 65-66]. Первая из них рассказывала, например, что в богатой семье Эпштейнов из Бреста внучки не имели права даже садиться за общий стол во

время визитов деда. При встрече патриарх всего лишь задавал риторический вопрос: «Что поделяете, девочки?», что приводило их в полный восторг. «Нам, младшим, не разрешалось сразу входить в празднично убранные комнаты; <...> мы возвращались в детскую. А старшим сёстрам позволялось проводить первые часы с дедом и родителями и принимать участие в обсуждении дел». Утром следовал визит к деду, скупая ласка и раздача сладостей из Варшавы. «Мы целовали протянутую нам белую руку, желали дорогому и почитаемому дедушке доброго утра, кланялись и удалялись без лишнего слова» [1, с. 25].

Салонному воспитанию значительное внимание уделял еженедельник «Izraelita», который издавался в Царстве Польском на протяжении 2-й половины XIX – начала XX вв. Журнал отстаивал принципы европейского Просвещения для евреев. Издаваясь в непростой исторический период, он отмечал происходящие в еврейской среде новации: ломку традиционной модели жизни в черте оседлости, появление первых признаков эмансипации женщин через образование, освоение женщинами не свойственных им ранее функций в области профессиональной и общественной деятельности, участие в создании благотворительных обществ.

Одну из своих главных задач журнал видел в воспитании у читателей нравственности. Особенно важным считалось воспитание женской нравственности. В 1878 году в № 35 была опубликована статья, которая называлась «Миссия образованных иудеек». Автор, обращаясь к публике, говорил о том, что воспитание моральных и духовно-нравственных ценностей начинается с самого нежного возраста, с младенчества, пока душа ребенка еще до конца не очерствела и не испортилась под влиянием внешних факторов, и что в этом вопросе только мать личным примером может воздействовать на свое чадо.

Указывалось на необходимость воспитания не только посредством накопленного духовного опыта, но и на базе изучения педагогических трудов, следовало не отказываться от физического воспитания детей. Также не представлялось нужным поощрять излишнее вовлечение женщин в общественные благотворительные учреждения. Считалось достаточным, чтобы примеры милосердия демонстрировались дамами сугубо в домашних условиях либо при посещении синагог. Критикуя салонный образ жизни многих молодых дам, автор, тем не менее, приходит к мысли, что и в столь развращенном месте, как салон, можно прививать молодежи

правила нравственного поведения. Эту задачу ставили, прежде всего, перед образованными дамами, которые своим личным примером могут воздействовать на кавалеров, а не опускаться до их уровня. На образованных еврейских дам возлагалась определенная надежда и в деле налаживании связей с христианской средой, которая, несмотря на всю просвещенность, все равно отказывала в полном признании за еврейским народом всех тех добродетелей, априори приписываемых христианам [20].

С ростом популярности салонного образа жизни в среде богатых евреев возрастает спрос на эстетическое воспитание, в первую очередь музицирование. В мещанской среде проводились вечера, на которых замужние дамы могли предаться беседам, незамужние демонстрировали умение петь и играть на музыкальных инструментах. Как отмечает Л. Старцева, уже с середины XIX века популярность приобретают музыкальные пансионы [14, с. 123].

Для некоторых женщин занятия музыкой превращались из элемента салонного воспитания в профессию. Например, с именем Иды Генко, выпускницы Санкт-Петербургской консерватории, связана история возрождения в Минске городского музыкального общества. Награжденная малой серебряной медалью И. Генко стала первой преподавательницей фортепьяно в открывшемся в Минске музыкальном училище Н. Рубинштейна. Это училище пользовалось популярностью в еврейской буржуазной среде [14, с. 125]. Тем не менее, музыкальная одаренность рассматривалась не более чем дополнительное «украшение» на ярмарке невест.

Богатые евреи могли себе также позволить нанимать домашних учителей, получивших образование в казенных еврейских училищах или гимназиях, обладавших достаточно широким кругом современных знаний, владевших русским и современными иностранными языками. О домашних учителях упоминают в своих мемуарах Полина Венгерова и Белла Шагал [16]. Отношение к домашним учителям в воспоминаниях субъективно, поскольку основывается на оценке ребенка (добрый либо злой), но нередко сопровождается развернутым анализом поведения учителя с точки зрения взрослого человека. Появляется понимание причин, которые заставляли учителя использовать ту или иную методику обучения. Подобный вид образования могли себе позволить только состоятельные семьи. Девочки из бедных слоев еврейского общества, вынужденные с малых лет зарабатывать на жизнь,

были вовсе лишены возможности получить образование. Их не отправляли даже в начальную школу, считая, что вполне достаточно домашнего учителя, который научит читать и писать на идише [17, с. 121].

Еще одним средством воспитания детей были игры. Игры во все времена носят подвижный и развивающий характер: «Играли мы в прятки на большом дворе» [2, с. 25], «еще у нас очень любили играть в дрейдл» [1, с. 28]. Дрейдл отливался из свинца и по форме напоминал юлу или волчок. На боковых гранях были написаны буквы еврейского алфавита, в зависимости от того на какую букву падал дрейдл, выигрывал тот или иной игрок. Игры были характерны и для досуга в процессе празднования некоторых религиозных праздников. Они были похожи на театральные представления и носили воспитательный характер, обогащая знаниями исторического характера и прививая уважение к деяниям предков [1, с. 57-58].

На необходимость использования подвижных игр указывал ряд педагогов рубежа столетий. Так, в журнале «Еврейская школа» была опубликована статья, посвященная вопросу физического воспитания [10]. Особое внимание уделено детским подвижным играм. Автор, ссылаясь на работы медицинской комиссии в Страсбурге, пишет о том, что еврейские дети крайне мало проводят времени на свежем воздухе, занимаясь подвижными играми, поэтому они менее здоровы, чем дети христиан. Лишь через перераспределение нагрузки и увеличение продолжительности времени, выделяемого на игровую деятельность, можно улучшить ситуацию. «Игра для ребенка – жизнь; он в ней самостоятельная, свободная личность, пытающаяся свои силы» [10, с. 10].

Отмечая господствующую роль матери в воспитании девочки, нельзя говорить о том, что мужчины полностью устранялись из воспитательного процесса. Конечно, они больше занимались сыновьями, но и для дочерей находилось время: «Дядя принимал большое участие и в нашем воспитании. <...> Приходилось ежедневно читать вслух из учебника заданный урок. Дядя требовал ясного выразительного чтения» [2, с. 46], – описывает участие в воспитании представителя мужской части семьи Анна Выготская. «Отец усаживался поудобнее и внимательно слушал наш рассказ о произошедших за день событиях», – вспоминала Полина Венгерова [1, с. 8-10]. Все родственники считали своим долгом внушать детям почитание старших, по-

жилых, приучать вставать при их приближении, уступать им место [13, с. 38].

Традиционным средством воспитания была беседа, часто с использованием фольклора: сказок, песен, поучительных историй. Волшебные сказки, сосредоточенные вокруг сверхъестественных героев, которые совершают чудеса и повелевают силами природы, в которых нет привязки к точному месту или времени, всегда чудесным образом воздействовали на психику ребенка, заставляя его отвлечься от окружающей действительности. Элементы, характерные для волшебных сказок, можно обнаружить во многих библейских историях. Посох Аарона, превращающийся в змея, мотив возвышения младшего брата, богатырская сила Самсона, связанная с его волосами, чудесное спасение Ионы из чрева кита и др. Многие литературные и фольклорные еврейские басни возникли как сказки о животных, отражавшие фантастические представления о животном и растительном мире. Сказки о животных олицетворяли человеческие черты [6].

Нерелигиозное пение было неотъемлемой частью быта еврейской семьи. Тематика фольклорных песен охватывает все аспекты еврейской жизни от библейского прошлого до современности, годовой и жизненный циклы, отражает лишения, надежды, социальный протест, любовь, разлуку, нежность к ребенку и др. В них упоминается про значение физического труда и самообороны [13, с. 26].

В пословицах и поговорках остроумие отдельных анонимных авторов становилось мудростью многих, превращаясь тем самым в дидактический фольклор, игравший большую роль в воспитании. В талмудической литературе имеется значительное количество поговорок, которые восходят к фольклору. Они начинаются словами «Хай нуде амерей иншей» («Так говорят люди») и обычно строятся на тематике, связанной с повседневной жизнью.

Использование народного фольклора – традиционный элемент воспитания еврейских девочек, впоследствии используемый ими в воспитании своих детей и передаваемый из поколения в поколение. При этом женская часть семьи больше применяла фольклорные традиции, мужчины считали недостойным отвлекаться на подобный «низкий жанр», поэтому в поучительных беседах с детьми они использовали отрывки из священных текстов с последующим пояснением смысла.

Спорный и сегодня вопрос о наказании детей во второй половине XIX в. решался в пользу наказания. «Немало часов простаивали мы в углу,

да еще с поднятыми руками. Длительность стояния зависела от серьезности проступка. Однако нам позволялось, простояв некоторое время, подойти к матери поцеловать руку и просить прощения» [2, с. 23]. Этим методы воспитания девочек не ограничивались. Использовалась в качестве воспитательной меры в еврейской семье и такая «классическая» для многих народов мера, как порка. Она применялась для детей обоих полов, исключения не делались: «Отец попросту высек меня розгами без всякого предупреждения, без предварительного увещания!» [2, с. 31]. Про розги упоминает в своих мемуарах и Полина Венгерова.

Таким образом, воспитание детей в еврейских семьях было обусловлено традициями, существовавшими формированию целостной личности, к которой общество предъявляет ряд важных требований. Эти традиции были сформированы под влиянием иудаизма. Основное влияние на воспитание девочек оказывала личность матери, а главной средой для педагогического воздействия считалась семья. В результате воспитания еврейская девочка получала знания в области национальной культуры и религии, а также позитивное эмоциональное отношение к ней. Она с детства приобщалась к этнокультурным духовным ценностям своего народа. В основу воспитания еврейских девочек было положено привитие социальных, трудовых и религиозно-культурных навыков преимущественно через участие детей в семейной и общественной деятельности.

Литература

1. Венгерова П. Воспоминания бабушки: очерк культурной истории евреев России в XIX веке. Иерусалим: Гешарим–Москва: Мосты культуры, 2003. 335 с.
2. Выгодская А. П. История одной жизни: воспоминания. Рига: Dzīve un Kultūra, 1938. 233 с.
3. Герасимова И. П. Еврейское образование в Беларуси в XIX – начале XX вв. Минск: Народная асвета, 1996. 130 с.
4. Гительман Ц. Беспокойный век: евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
5. Гуревич С. А. Мои воспоминания. Иерусалим: Гешарим–Москва: Мосты культуры, 2002. 195 с.
6. Дымшиц В., Райзе Е. Еврейские народные сказки. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000. 496 с.
7. Залкин М. Еврейское Просвещение в Российской империи. In: История еврейского народа в России / Под общ. ред. И. Барталя. Иерусалим: Гешарим–Москва: Мосты культуры, 2012, с. 164-187.
8. Кан Ж. Педагогика Януша Корчака и еврейское воспитание. М.: Российское общество Януша Корчака, 2000. 178 с.
9. Котик Е. Мои воспоминания. СПб.–М.–Иерусалим: Мосты культуры, 2009. 367 с.
10. Крейнин М. К вопросу о физическом воспитании в школе. In: Еврейская школа. 1904. № 14, с. 3-11.
11. Лазарев Д. О воспитании и степени образованности еврейских женщин. In: Учитель. 1861–1870. № 68, с. 557-563.
12. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно, фонд 143, опись 1, дело 21.
13. Скир А. Еврейская духовная культура Беларуси. Минск: Мастацкая літаратура, 1995. 143 с.
14. Старцева Л. О женском музицировании. In: Женщины на краю Европы / Под ред. Е. Гаповой. Минск: ЕНУ, 2003, с. 118-128.
15. Фриз Ш. Р. Еврейская семья в России. In: История еврейского народа в России / под общ. ред. И. Барталя. Иерусалим: Гешарим–Москва: Мосты культуры, 2012, с. 214-264.
16. Шагал Б. Горящие огни. М.: Текст, 2006. 380 с.
17. Штампфер Ш. Дифференциация по половому принципу и женское еврейское образование в Восточной Европе в XIX веке. In: Еврейское образование. В 2-х ч. Ч. 2. М.: Мосты культуры, 2001, с. 119-146.
18. Datner H. Ta i tamta strona: żydowska inteligencja Warszawy 2 połowy XIX wieku. Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 2007. 341 s.
19. Lifshits S. Ester-Khaye the Zogerin [Sayer]. Zabludowe (Zabludow) yizkerbukh. In: From a Ruined Garden. The Memorial Books of Polish Jewry. NewYork, 1993, p. 76-106.
20. Posłannictwo ukształconych izraelitek. In: Izraelita. 1878. № 34, s. 274-275.

References

1. Vengerova P. Vospominaniya babushki: ocherk kulturnoy istorii evreev Rossiiv XIX veke. Ierusalim: Gesharim–Moskva: Mosty kultury, 2003. 335 p.
2. Vygodskaja A. Istorija odnoj zyzni vospominaniya. Riga: Dzive un Kultura, 1938. 233 p.
3. Gerasimova I. P. Evrejskoje obrazovanie v Belarusi v XIX naczale XX vv. Minsk: Narodnaja asveta, 1996, 130 p.
4. Gitelman C. Bepokojnyj vek: evrei Rossii i Sovetskogo Sojuza s 1881 goda i do nazsich dnei. M.: Novoe literaturnoe obozrenije, 2008. 512 p.
5. Gurevich S. A. Moi vospominaniya. Ierusalim: Gesharim–Moskva: Mosty kultury, 2002. 195 p.
6. Dymzscic V. Rajze E. Evrejskije narodnye skazki. Sankt Peterburg: Simpozium, 2000. 496 p.
7. Zalkin M. Evrejskoje Prosvetszenije v Rossijskoj Imperii. In: Istorija evrejskogo naroda v Rossii / Pod obz. red. I. Bartalia. Ierusalim: Gesharim–Moskva: Mosty kultury, 2012, pp. 164-187.
8. Kan Z. Pedagogika Januszcha Korszaka i ewrejskoje vospitanie. M.: Rossijskoje obzsestvo Januszcha Korszaka, 2000. 178 p.
9. Kotik E. Moi vospominaniya. SPb.–M.–Ierusalim: Mosty kultury, 2009. 367 p.
10. Krejnin M. K voprosy o fiziceskom vospitanii v shkole. In: Evrejskaja shkola. 1904. № 14, p. 3-11.

11. Lazarev D. O vospitanii i stepeni obrazovannosti evrejskih zenzsin. In: Uzcitel. 1861-1870. № 8, p. 557-563.
12. Nacyonalnyj istoricheskij arhiv Belarusi v Grodno, fond 143, opis 1, delo 21.
13. Skir A. Evrejskaja duchovnaja kultura Belarusi. Minsk: Mastackaja litaratura, 1995. 143 p.
14. Starceva L. O zenskom muzicyrovanii. In: Zenzsiny na kraju Evropy / Pod red. E. Gapovoj. Minsk: EHU, 2003, p. 118-128.
15. Friz Shch.R. Evrejskajasemjav Rossii. In: Istorija evrejskogo narodav Rossii / podobzs. red. I. Bartalia. Ierusalim: Gesharim-Moskva: Mostykultury, 2012, p. 214-264.
16. Shchagal B. Goriashczie ogni. Moskva: Tekst, 2006. 380 p.
17. Shchtampfer Shch. Differenciacija po polovomy principy i zenskoje ewrejskoje obrazovanijev Vostocznoj Evropev XIX veke. In: Evrejskoje obrazovanije. V 2 cz. Cz. 2. M.: Mosty kultury, 2001, p. 119-146.
18. Datner H. Ta i tamta strona: żydowska inteligencja Warszawy 2 połowy XIX wieku. Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 2007. 341 p.
19. Lifshits S. Ester-Khaye the Zogerin [Sayer]. Zabludove (Zabludow) yizkerbukh. In: From a Ruined Garden. The Memorial Books of Polish Jewry. New York, 1993, p. 76-106.
20. Posłannictwo ukształconych izraelitek. In: Izraelita. 1878. № 34, p. 274-275.
- Ermak Yulia** (Grodno, Belarus). Magistru în științe politice, lector superior la Departamentul de Turism și Patrimoniul Cultural, Universitatea de Stat din Grodno „Yanka Kupala”.
- Ермак Юлия** (Гродно, Беларусь). Магистр политических наук, старший преподаватель кафедры туризма и культурного наследия, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы.
- Yarmak Yuliya** (Grodno, Belarus). Magistr of Political Sciences, Senior Lecturer at the Department of tourism and cultural heritage, Yanka Kupala State University of Grodno.
- E-mail:** Ermak_JG@grsu.by